

МАРИЯ
ВЫСОЦКАЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

НАВЯЗАННАЯ

Жена ФИКТИВНЫЙ БРАК

Мария Высоцкая

Навязанная жена

<https://litres.ru/74206664>

Аннотация

НОВИНКА "Второй шанс. Жестокая любовь"

— Я не хочу замуж. Я не выйду. Я не... — Выйдешь. Вечером у нас будут гости. Приедут Гимаевы. Ты должна блистать. — Я хочу исчезнуть, — качаю головой, — я не хочу блистать, — всхлипываю. — Мы подпишем договор, Софа. Эта свадьба - гарант твоего безопасного будущего, когда меня не станет. — Что ты такое говоришь?! Ты же полон сил! — И тем не менее я когда-нибудь умру. Ты должна быть обеспечена и защищена. — А что, если мне не нужны деньги?! Не нужна защита! Я хочу любить. Хочу быть любимой. Я не хочу по договору, понимаешь? Я не хочу замуж за сына дяди Ильяса! — Прекрати эту истерику, сейчас же! — дедушка повышает голос. — Отказы не принимаются.

Дальше я пытаюсь сбежать, но меня ловят и притаскивают обратно. А уже в воскресенье я стою в отвратительном белом платье под руку со своим будущим мужем, а вместо «да» у алтаря слышу его тихое, но грубое: — Мне тебя навязали.

Мой брак — это просто пожизненный контракт с человеком, который меня не любит и который никогда не будет мне верен...

ОДНОТОМНИК

Книга участвует в литмобе "Твоя по договору":

Содержание

1	5
2	10
3	15
4	20
5	24
6	28
7	32
8	38
9	43
10	47
11	53
12	58
13	63
14	68
15	73
16	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Соня

— Дедулечка! — выкрикиваю, видя знакомый кортеж машин у консерватории. — Пока! — быстро прощаюсь с девочками и сбегая по ступенькам. — Ты чего здесь? — радуюсь, немного запыхавшись от накативших чувств.

Он нечасто забирает меня с учебы, а последние три недели его вообще не было в городе. Я успела соскучиться.

— Устала, моя девочка? — дедушка заботливо забирает из моих рук футляр со скрипкой и отдаёт спешащему на помощь охраннику.

— Если только чуть-чуть, — щурюсь от яркого солнышка и клую его в щеку.

Дед у меня замечательный. Самый лучший. Мы давно остались с ним вдвоем. Родители погибли, когда мне было девять, разбились на вертолете.

— Софа, давай мы с тобой где-нибудь перекусим. Есть серьезный разговор.

— Конечно, — забираюсь в салон авто, прихватив подол белой юбки над коленями. — Привет, Миш, — здороваюсь с водителем.

— Здравствуйте, Софья Игоревна.

— Миша, как твои дела? — расплываюсь в улыбке.

— Отлично, Софья Игоревна. А ваши?

— А я, возможно, выступлю с оркестром в конце семестра.

Миша поднимает большой палец вверх, и я улыбаюсь еще шире.

Дедушка, отвлеченный телефонным разговором, ловит мой взгляд, а потом качает головой, мол, Софа, что за фамильярность с охранником?!

Поджимаю губы, чтоб не рассмеяться, и откидываюсь затылком на подголовник. За окном проплывают весенние московские улочки. Природа уже ожила и дышит полной грудью. Красота.

Мечтательно вздыхаю, подпирая щеку кулаком, и размышляю над тем, чем займусь в эти выходные. Очень хочется наведаться в конный клуб, прокатиться на моей Эрин, но в последнее время я стала такой мнительной, а мысль о том, что нужно беречь руки, — навязчивой. В моей профессии даже самая маленькая травма или падение может обернуться настоящей трагедией.

Машина тем временем останавливается у ресторана на набережной. Мое любимое место с видом на реку.

— Сонечка, — дедушка ловит мой взгляд и выглядит при этом как никогда серьезным. — Ты помнишь Рената? Гимаева.

Мы уже сидим за столиком и ждем еду.

— Сына дяди Ильеса? — беру со стола стакан морковного фреша и делаю глоток. — Смутно. Помню, кстати, — хи-

хикаю, — что, когда я была малышкой, ты постоянно говорил: "Ренат твой будущий муж, Софа", — пародирую немного грозный дедулин голос.

Улыбаюсь, рассматривая уставшее дедушкино лицо, и не вижу там ни намек на улыбку. Он серьезен. Максимально.

По телу в эту же секунду ползет непривычный холодок. Что-то точно не так...

— Говорил, — дедушка кивает. — Ты выходишь замуж, Соня. За Рената. В следующее воскресенье.

Это шутка такая? Застываю с приоткрытым ртом.

Что значит "замуж"? Что значит "в следующее воскресенье"?*

А как же моя жизнь? Моя самостоятельная жизнь? Мне десять дней назад исполнилось восемнадцать! У нас с дедушкой был уговор, он обещал... обещал мне...

Начинаю задыхаться и хватаюсь ладонями за горло.

Как же так?

— Ты обещал, что я буду жить одна, что в восемнадцать смогу переехать к себе в квартиру. Я уже перевезла туда почти все свои вещи, — развожу руками. — Какая свадьба? Ну что ты придумал? — качаю головой. — Дедулечка, это же прошлый век. Я и замуж? Еще и за сына дяди Ильеса! — смеюсь, все еще не веря в серьезность дедушкиных слов.

— Это не обсуждается, Соня, — спокойно, но холодно отрезает дед, и я теряю всякую надежду в одночасье.

Он никогда на меня так не смотрел и никогда не говорил

со мной в таком приказном тоне, как делает это со своими подчиненными.

— Я не хочу замуж. Я не выйду. Я не...

— Выйдешь. Повторюсь, это не обсуждается, Соня. Завтра с Людой поедете в салон, выберете платье. Вечером у нас будут гости. Приедут Гимаевы. Ты должна блистать.

— Я хочу исчезнуть, — качаю головой, — я не хочу блистать, — всхлипываю.

— Мы подпишем договор, Софа. Эта свадьба — гарант твоего безопасного будущего, когда меня не станет.

— Что ты такое говоришь?! — вскрикиваю. — Ты же полон сил!

— И тем не менее я когда-нибудь умру. Ты должна быть обеспечена и защищена.

— А что, если мне не нужны деньги? Не нужна защита! Я хочу любить. Хочу быть любимой. Я не хочу по договору, понимаешь?

— Прекрати эту истерику, сейчас же! — дедушка повышает голос. Это тоже происходит впервые. Он раньше никогда себе не позволял со мной такого. — Отказы не принимаются!

Ах, не принимаются?

Зло прищуриваюсь и вскакиваю из-за стола. Я сбегу! Прямо сейчас! Правда, выбежать у меня получается лишь на улицу, где меня тут же ловит охрана.

Бьюсь в истерику, пока меня засовывают в машину, не пе-

реставая кричать:

— Помогите! Убивают!

— Софья Игоревна, — пытается достучаться до меня Миша, — у нас приказ. Лучше смириться.

— Ни за что! — взвизгиваю и вгрызаюсь охраннику в руку.

Роман участвует в литмобе #твоя_по_договору

Ренат

— Я буду изменять. Она не будет со мной счастлива.

Это не звучит как аргумент для моего отца. Все давно предрешено. Зачем я вообще это говорю, понятия не имею. Наверное, в моменте хочу зацепить в нем что-то человеческое. Вызвать жалость к своей невесте. Ей только исполнилось восемнадцать. Совсем малявка. Я ее сломаю.

Этот контракт — пожизненный. Мы не разведемся, потому что тогда придется делить бизнес. У отца с Пименовым договор — все должно остаться в семье. Навсегда. Пренебречь им невозможно. Пименов по факту спас нашу семью от разорения много лет назад. Протянул руку. Помог встать с колен. Дал свое покровительство. Теперь наша семья должна отплатить ему сполна. Это что-то вроде долга.

— Это, пожалуйста. До этого мне дела нет, — усмехается отец. — Только будь добр, не афишируй эту свою... любовницу, — последнее слово он произносит особенно брезгливо.

— От слова «любить», — устало прикрываю глаза и отворачиваюсь к окну.

Я знаю о предстоящей свадьбе уже почти полгода. Детская шутка в виде помолвки во взрослой жизни оказалась совсем

не шуткой. Теперь это договор. Серьезный контракт, который мы заключаем с Пименовым пожизненно.

— Еще скажи, что браки заключаются на небесах. Люби, тебе кто-то запрещает? Но жениться ты должен на Соне. В моих внуках должна быть кровь Пименовых, а не какой-то шаболды.

— Перестань унижать Аню! — взрываюсь, повышая голос, что мне в принципе несвойственно.

— Я все сказал, — сухо отрезает отец. — Ты с Соней, как только она родилась, был посватан. Ты это знал. Как и то, что тебе придется жениться на той, на ком нужно, а не на той, которую любишь, Ренат. Пора взрослеть. Детство кончилось, сынок.

— И тем не менее идея плохая.

— Дай мне слово, Ренат! Дай мне слово, что сделаешь все, как мы с тобой договаривались!

Распахиваю глаза, глядя на толпу проходящих мимо офиса подростков.

— Конечно, я даю тебе слово, — произношу вполголоса, а, прокашлявшись, повторяю уже громче.

Отец выходит из моего кабинета, беззвучно прикрывая за собой дверь.

Устало оседаю в кресле и давлю пальцами на переносицу. Все это какой-то дурной сон.

Можно сказать, что у меня нет выбора. Но, как мы знаем, выбор есть всегда. В моем случае — оставить семейный биз-

нес и уехать с Анькой навсегда. Уехать и подставить отца. Выставить его в глазах других лжецом, человеком, который не держит слово. Ну и нарушить свое.

Откатываюсь от стола чуть дальше, крепко сжимаю в руке телефон.

— Ренат Ильясович, — заглядывает после короткого стука секретарь. — Ильяс Юнусович просил передать, что вечером у вас запланирована неформальная встреча у Пименовых.

— Понял. Спасибо, Дарья, — благодарю и открываю контакты.

Секретарша закрывает дверь, снова оставляя меня одного.

Выбираю в контактах Аньку и жму кнопку «вызов».

— Ты дома?

— Дома, только зашла.

— Я сейчас приеду.

— Уже жду. Захвати...

Сбрасываю звонок и оповещаю водителя, что сейчас спущусь.

Через пятнадцать минут уже стою в прихожей Анькиной квартиры. Я снимаю ее для нее уже два с половиной года. Удобное расположение. Близко от моего офиса. Центр.

— Привет! — Аня встречает меня в белье. Улыбается. Чмокает в щеку и, взяв за руку, тянет в спальню.

— Подожди. Есть разговор.

— Какой? — касается губами шеи, аккуратно ослабляя мой галстук.

— Я женюсь.

Анька замирает. Хлопает длинными, угольно-черными ресницами, а потом расплывается в улыбке.

— Гимаев, ты мне так предложение делаешь? — смеется.

— На другой, — поясняю все так же сухо.

Аня вздрагивает и отшатывается от меня, как от чумного. Я знал о женитьбе давно, но оттягивал момент. Надеялся, что все разрешится как-нибудь без этой свадьбы. Скажи я Ане раньше, у нее было бы время свыкнуться. А теперь...

— Что значит, ты женишься? Что это, черт возьми, значит?! — хватает с полки сувенир из Кении и запускает его в меня. Уклоняюсь, чувствую, что начинаю закипать.

— Только то, что ты слышишь, — произношу спокойно.

— Как ты можешь? Как ты мог предать нашу любовь?!

— Прекрати драматизировать. Это ненастоящий брак. Фиктивный. У меня уже есть любимая женщина — это ты! — выплевываю слова, кипя от злости. Злюсь на себя, на отца, на обстоятельства и на Пименова. Даже на его внуку, имени которой я сначала не вспомнил.

— Это все равно брак! — Анька начинает рыдать. — Я тебя люблю, а ты предаешь меня, Ренат. Как ты так можешь?

— Это бизнес. Я дал слово!

— Так забери его, черт возьми! Ты не мужик, слышишь? Не мужик. Папенькин сынок. Предатель. Трус. Я тебя нена-

вижу!

Аню заносит. Сейчас это позволительно. Я даже готов закрыть на это глаза, несмотря на то, что ее слова задевают мою гордость. А может, у меня ее и правда нет?

— Хватит! — заключаю ее в жесткое кольцо рук. — Прекрати! — встряхиваю, морщась от громких истеричных всхлипов, ранящих мое сердце. — Я приехал не для того, чтобы ругаться. Я приехал, чтобы предложить, — замолкаю.

Анька замирает. Запрокидывает голову и смотрит на меня во все глаза.

— Предложить что? — всхлипывает.

— Остаться со мной в качестве любовницы или уйти.

— Что? Ты... как ты можешь? Ты с ней, а я... нет!

Аня выкручивается из моих рук и отступает, заламывая пальцы, пока не впечатывается лопатками в стену.

— Я не жду от тебя ответа сегодня. Ты можешь подумать и озвучить свой ответ, когда будешь готова. Квартира, — осматриваюсь, — оплачена на три года, машину можешь при любом раскладе оставить себе.

— Ты будешь с ней спать? — спрашивает она, роняя очередную слезинку.

— Не планирую.

А вообще, я буду ее ненавидеть. И ее, и себя.

Софья Пименова...

— Ладно, — Аня сглатывает, вытирает слезы. Ее прекрасное лицо с точеными скулами и идеальными чертами сейчас омрачено припухшими веками и покрасневшей кожей. — Я... я подумаю, — шепчет. — И позвоню.

— Хорошо, — киваю и, затянув галстук, выхожу из квартиры.

Лифт игнорирую. Спускаюсь по лестнице, потому что тело требует движения.

Во дворе поднимаю голову и смотрю в Анькины окна. Как только это делаю, штора дергается.

Оглядываюсь на машину и звоню Мейхеру.

— Не занят?

— В пробке стоим. У тебя какое-то дело?

— Приглашение. Женюсь в следующее воскресенье.

— Занятно, — Арс хмыкает. — Ну, судя по тону, невеста не Анька?

— Не она, — снова смотрю на окна.

— Освобожу ради такого веселья выходные.

— Смешно, — вздыхаю. — Ты настоящий друг.

— Естественно.

— Вторая линия, перезвоню, — сбрасываю Арса и принимаю вызов с незнакомого номера. — Слушаю.

В трубке какое-то время звучит тишина, и когда я хочу скинуть вызов, девушка произносит:

— Это Соня. Соня Пименова. Ренат, мне кажется, нам нужно встретиться. Обсудить происходящее...

— Думаю, мы прекрасно сможем сделать это вечером, — напоминаю таким образом о нашем визите к Пименовым сегодня.

— Да, но хотелось бы один на один. Понимаешь, я до сегодняшнего дня понятия не имела ни о какой свадьбе и...

— До вечера, — перебиваю ее и отключаюсь.

Любые разговоры и встречи - соблазн отказаться. А взбрыкнуть я не могу, у нас не та ситуация.

От этого брака зависит не только мое будущее, которое я, к слову, не против и похерить. На нем завязаны отец, мать,

братья, сестры, куча родственников, которые работают на предприятии. Это семейное дело, и мне, так вышло, досталась роль того, кто должен взять на себя ответственность его продолжить, а не потопить.

Вечер, по закону подлости, наступает быстро. Мы с семьей приезжаем в дом Пименовых около семи вечера полным составом. Я, отец, мать, братья, сестра. Бабушка.

Так положено.

Для всех, кроме меня, отца и Давида, этот брак должен выглядеть реально.

Вся фикция и договорняк будут скрыты за семью печатями.

В гостиной мама выпытывает у повара рецепты со стола и дает какие-то свои советы. Младшие просто ведут себя прилично, рассевшись за стол, пока мы с отцом ведем непринужденную беседу с Давидом Юльевичем Пименовым, а его внучка все никак не может спуститься.

— Люда, поторопи Софу, — просит Давид Юльевич, начиная раздражаться.

— Одну минуту. Сонечка! — женщина взбегает по лестнице, скользя рукой по перилам.

А вот обратно Людмила уже бежит за своей подопечной с какой-то накидкой в руках.

— Соня, что ты удумала! — тараторит она, пытаясь остановить девчонку, резво сбегающую по ступенькам.

— Всем добрый вечер! — с неотразимой улыбкой произносит Соня.

Мне, к слову, тоже хочется улыбнуться. Больше, конечно, от комичности ситуации. Ну и от понимания, что у моей фиктивной жены офигенные ноги.

Лицо тоже не уступает. Она милая. Юная. Светящаяся. С темно-русой копной прямых волос и светлыми серо-голубыми глазами.

Софья надела самое откровенное платье в своей жизни, в этом я уверен. Оно едва прикрывает зад, а сверху едва держится на груди.

— Ох! — моя мама хватается за сердце. — Ренат, нам не подходит эта девочка!

Софья в этот момент расплывается в довольной улыбке.

— Камилла, — вмешивается мой отец, пока Пименов стоит чуть ли не с открытым ртом, пялясь на внучку. — Это мода сейчас такая. Правда, Сонечка?

— Конечно, — девчонка откидывает за спину копну волос, и ее поднывавшая вверх рука подтягивает и без того короткий подол платья еще выше. Еще сантиметр — и мы увидим ее трусы.

Уверен, что они белые. И скорее всего хлопковые. Возможно, с каким-то детским рисунком.

Мама снова охает, а Пименов наконец оживает.

— Софа, это что за представление! — рывкает он на всю гостиную.

Соня

Я никогда не была дерзкой. Смелой, да. Дерзкой, кажется, оказываюсь впервые, когда стою посреди гостиной в этом ультракоротком платье цвета венозной крови.

Мы с бабушкой жили душа в душу. Всегда. Что с ним случилось теперь, понятия не имею, но уступать ему и сдаваться я не намерена. Эта свадьба не состоится, ее не будет. Ни за что! Я этого не допущу.

И если мой жених, бесхребетный овощ, не способный сказать «нет», я сделаю это за нас двоих. Пошлю к чертям эту свадьбу и контракт. Сожгу эти чертовы бумажки, а потом спляшу на пепельных останках.

И пускай в моменте у меня дрожат колени, а корсет болезненно впивается в грудь, я пойду до конца. С размахом! Королевской походкой!

— Всем добрый вечер, — здороваюсь, продолжая неотразимо улыбаться. Слова бабушки пропускаю мимо ушей просто потому, что сегодня он это заслужил. — Рада с вами познакомиться, — смотрю на мать Гимаева, которую вот-вот придется отпаивать успокоительными. Мой внешний вид ее расстроил. Ей не понравилось, и это прекрасно!

— Ренат... — женщина в ужасе косится на своего сыночка, прижимая к груди ладонь, на безымянном пальце которой надето кольцо с огромным, я бы даже сказала, неприличным по размерам бриллиантом.

— Ками, — цыкает дядя Ильяс на жену. — Софья, ты, конечно, произвела фурор, — посмеивается, раскрасневшись.

Они все тут, кроме Рената, покрылись ярким багрянцем. Не лица, а помидорная плантация.

— Ну, — пожимаю плечами, — вот такой у меня стиль. Зачем прятать такие красивые ноги?! — приподнимаю бровь, сгибая колено, как бы наглядно демонстрируя свои длинные конечности.

Конечно, в обычной жизни такое мини я не ношу, хоть ноги у меня и правда длинные. С ростом метр восемьдесят два иначе и быть не может. Наверное, не увлекись я еще в детстве музыкой, стала бы моделью. Данные позволяют.

Гимаев, тот, который Ренат, хмыкает.

Ему, черт возьми, весело.

Бросаю на этого напыщенного индюка раздраженный, почти испепеляющий взгляд, а потом... потом мысленно выдыхаю и беру себя в руки. Моя задача — не понравиться его родне, смутить дедушку и сорвать эту дурацкую свадьбу.

Ну вот зачем Гимаевым такая невестка, как я?

Камилла, кажется, именно так уже и думает. Шикарно!

— Софа, — бормочет Люда, стоя за моей спиной с какой-то тряпкой.

Я прямо чувствую, как ей неловко. Люда воспитывает меня с детства. Она жила с нами, когда мои родители еще не погибли, позже переехала за мной в дом дедули и осталась с нами, даже когда я повзрослела.

— Какой ужас! — сетует Камилла. — Ильяс, мы должны уехать сейчас же!

— Даже не поужинаем? — спрашиваю, вкладывая в голос побольше трагичности. — Я старалась. Приготовила целую утку! — всплескиваю руками.

— Софья отлично готовит, — поддакивает Люда.

— Конечно, останемся. Конечно, попробуем, — снова пытается разрядить обстановку дядя Ильяс и аккуратно, коснувшись спины жены ладонью, подталкивает ее к столу.

Судя по всему, в этом браке заинтересованы только два человека — мой дед и отец Гимаева. Хотя сам Ренат особого протеста тоже не выражает, а значит, такой же враг, как и эти двое.

Поджав пальчики на ногах, переглядываюсь с дедушкой, который мечет в меня молнии и... улыбаюсь.

Губы вот-вот начнут дрожать, знаю, но я должна оставаться сильной. Скоро все закончится. Скоро я стану свободной.

Прислуга приносит утку, все те порции, что я раскладывала по тарелочкам своими руками, и ставит на стол.

— Угощайтесь, — призываю к еде, как истинная хозяйка, и усаживаюсь за стол.

Звонящая тишина давит на барабанные перепонки, но это

время, кажется, летит мигом, потому что за отсутствием разговоров гости начинают пробовать мое блюдо.

Пробовать и снова разочаровываться.

Мама Рената еле-еле прожевывает кусочек и хватается за стакан воды, осушая его практически полностью. Дядя Ильяс начинает кашлять, а мой дед становится красным как рак.

— Невкусно? — удивленно хлопаю глазами, боясь представить то пекло, что творится у них во рту.

Я не пожалела для этой утки ни соли, ни перца, ни даже васаби...

В здоровом уме есть это нельзя. Совсем.

Кстати, Ренат именно так и сделал. Даже не притронулся к тарелке. Жаль...

Камилла отодвигает от себя тарелку и под осуждающий взгляд мужа покидает наш дом. Младшие дети следуют ее примеру.

Мы остаемся вчетвером.

Я, дед, дядя Ильяс и Ренат.

Поджимаю губы, но потом, не скрывая улыбки, поднимаю взгляд, чтобы посмотреть дедушке в глаза. Он рвет и мечет. Злится. Сильно. Но пока молчит.

— Научиться готовить — плевое дело, — снова любезничают дядя Ильяс.

— Мне так жаль, — вздыхаю, — кажется, я переборщила со специями.

Ренат в этот момент заостряет уголки губ, разглядывая меня самым откровенным взглядом.

Сконфуженно передергиваю плечами.

Он мне не нравится. Совсем.

Гимаев симпатичный. Немного смуглый. Высокий. Видно, что ходит в зал. Ухаживает за руками. У него есть стиль. От него вкусно пахнет. Да-да, он красивый, что уж тут скрывать, но дело ведь не во внешности.

Его серые, как бездонное холодное осеннее озеро, глаза отталкивают. Он педант, транслирующий напускное спокой-

ствие.

Скользкий, как рыба. Бесчувственный. Это считается в первые же секунды.

Он мне не нравится, но еще больше мне не нравятся обстоятельства, которые свели нас вместе.

Отворачиваюсь, чувствуя, как начинают гореть щеки под его пристальным взглядом.

— Не переживай, Сонечка, — продолжает дядя Ильяс, — такая красивая девочка не должна готовить. У тебя будет все: и повар, и домработница, и...

— А яхта? — вздергиваю бровь. — Яхта будет?

Дядя Ильяс замолкает. Бросает растерянный взгляд на моего деда.

Тот неподвижно сидит несколько секунд, а потом бросает на меня испепеляющий взгляд.

— Все! — выдает сурово. — Хватит этого представления! Ты выйдешь замуж, хочешь ты этого или нет! Дури сколько тебе заблагорассудится — это ничего не изменит!

Гимаев, тот что Ренат, ухмыляется.

Ему снова весело?

Я его уже ненавижу. Искренне. Пылко. Я готова придушить его голыми руками в эту самую минуту!

— Ах так! — вскакиваю из-за стола. — Хорошо! — ошпариваю деда взглядом. — Тогда... тогда... тогда я запишу видео о том, как в наше время меня насильно выдают замуж, и запошу его в сеть! Все-все расскажу, ясно тебе?!

Дед закатывает глаза и берет со стола рацию, по которой общается с охраной.

— Миша, заberi у Софьи из комнаты всю технику и не забудь про телефон. И да, с этой минуты у нее усиленная охрана и домашнее обучение. Чтоб без моего ведома она и шагу из дома не сделала!

— Ты тиран! — выпаливаю, задыхаясь от возмущения.

— Ренат, Ильяс, давайте пройдем ко мне в кабинет и подпишем договор.

— Я ничего не подпишу! — визжу на всю комнату.

Дедушка устало подкатывает глаза с негромким вздохом, а потом, махнув на меня рукой, поднимается из-за стола и направляется в свой кабинет.

Я остаюсь одна за огромным, накрытым столом и, плюхнувшись обратно на стул, тихонечко всхлипываю.

Ненавижу их.

Их всех! Платье давит, слезы льются уже рекой, а закрученные в пружинки локоны падают в тарелку. Кончики пропитываются маслом от утки.

Я чувствую себя униженной. Разбитой.

Во мне так много злости, а еще растерянность.

Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, как расстроить эту свадьбу.

Я даже сбежать не могу. Вздрагиваю и со всех ног бегу в комнату. Когда попадаю внутрь, Миша уже убирает в карман своего пиджака мой телефон, оставленный на кровати. Еще

два охранника выносят компьютер, планшет и ноутбук.

— Я не разрешаю! Не позволяю! Верните все на место! Это мои вещи! — кричу на весь дом, но охрана упорно меня игнорирует.

Нарыдавшись в подушку, снова сбегая на первый этаж и, прочесав анфиладу комнат, врываюсь в дедулин кабинет.

Эта троица все еще сидит там и неторопливо попивает коньяк. Празднуют, сволочи!

— Я. Тебя. Ненавижу! — смотрю на Гимаева, подскочив к креслу, на котором он сидит, а потом бездумно хватаю со столика бокал и выливаю янтарную жидкость прямо на голову этому придурку. Порывом. — И тебя тоже! — кричу на деда. — Никогда тебе этого не прощу. Никогда! Ты мне больше вообще не родственник, слышишь?!

**Очаровашки, в рамках нашего литмоба "Тво-
я_по_договору"
приглашаю вас в историю Ма-
рии Летовой
(НЕ) ПОДХОДЯЩИЕ
ссылка:
<https://litnet.com/shrt/Pehb>**

Отступаю на два шага назад и стыдливо прячу руки за спину. Я повела себя как ребенок, знаю. И от этого мне некомфортно. Правда, длится это состояние от силы минуту, потом я вспоминаю причину такой своей реакции и складываю руки на груди, провокационно приподнимая бровь, мол, и что вы мне сделаете?

Гимаев стряхивает с волос и пиджака коньячные капли, а потом поднимается на ноги. Выглядит при этом так, будто ничего не произошло.

Дядя Ильяс и мой дед смотрят на него во все глаза и... злятся. Оба.

Я чувствую их ярость, а вот эмоций Рената не ощущаю. Совсем. Их словно нет.

Он живой вообще?

В этот момент хочется заглянуть ему в глаза, чтобы удостовериться: он вообще человек?!

До боли прикусываю нижнюю губу, ожидая от этой каменной глыбы хоть какой-то реакции, но ее нет, ни через две, ни через пять минут, когда он удаляется в гостевую ванну, чтобы привести себя в порядок.

— Я не выйду замуж! — шиплю сквозь зубы. — Я сорву эту свадьбу, так и знайте!

Говорю уверенно, глядя при этом на деда и старшего Гимаева.

— Ильяс, извини за все это, — вздыхает дедушка.

— Все в порядке, Давид. Я, пожалуй, поеду. Софья, — кивает мне и выходит за дверь.

Дед провожает его взглядом, а потом испепеляет им меня.

Чувствую себя нашкодившим котенком в эту секунду, а платье, боже, это ужасное платье начинает так сильно сдавливать грудь, что мне становится нечем дышать.

— Свадьба состоится, с тобой или без тебя, — отрезает дед.

— Ты не имеешь права!

— Я умираю, Софа, — произносит он максимально спокойно, и я замираю.

Чувствую, как увлажняются глаза и как по щеке скатывается слеза.

— Что? — мямлю, пятясь к стене. — Что ты такое говоришь? — всхлипываю.

— Я болен и не уверен, что смогу пойти на поправку. У меня много врагов. Я наживал их всю свою жизнь. Когда меня не станет, они разорвут тебя в клочья из-за этого бизнеса. А Гимаевы хотят денег, власти, а еще чтут эти свои традиции. Как только ты войдешь в их семью, даже фиктивно, они не дадут тебя в обиду. Никогда. Поэтому ты должна себя обезопасить. Ты должна выйти замуж. Это... это моя последняя просьба, Сонечка. Последняя.

— Нет, — качаю головой, захлебываясь слезами. — Ты не можешь. Ты просто не имеешь права умирать! Ты не имеешь права меня бросать! За что? Почему вы все так жестоки?

Плачу, тут же вспоминая родителей. Они погибли. А теперь не станет и деда.

— У тебя все будет хорошо, моя девочка.

Дедушка поднимается на ноги, подходит ко мне и крепко-крепко обнимает.

Всхлипываю, снова чувствуя себя маленькой девочкой.

— Но об этом никто не должен знать, Соня. Никто.

— А они... — смотрю на дедулю во все глаза, — они в курсе? — имею в виду Гимаевых.

— Нет. И не нужно. Никто не должен знать, слышишь?

— Ладно, — киваю, как болванчик. — Я поняла.

Вытираю слезы, изо всех сил пытаюсь успокоиться.

— Я сделаю все, что ты скажешь, — шепчу. — Все.

Дед одобрительно кивает и снова крепко прижимает меня к себе. А я чувствую, как в душе образуется дыра. Она бездонная и эта боль не стихнет уже никогда.

— Ты справишься, моя девочка. Ты такая сильная. Такая волевая.

Улыбаюсь сквозь слезы, боясь даже представить тот день, когда дедушки не станет.

Сейчас я не думаю о том, что этот брак на всю жизнь. Не думаю о том, что когда-нибудь, возможно, кого-нибудь полюблю. Сейчас все мои мысли сосредоточены на том, чтобы

исполнить последнюю дедушкину просьбу.

Я сильная. Я справлюсь. Может быть, потом, с годами, я найду выход из этой ситуации. Получу дополнительное, не музыкальное образование, разберусь в делах деда, и когда смогу постоять за себя самостоятельно, оставлю эту нахальную семейку ни с чем. Они не получают ни капли наших денег и нашего бизнеса. Ничего!

А Гимаев... ну что ж, мне его жаль, но спокойной жизни у него не будет. Он добровольно вписался в эту авантюру, чтобы приумножить свои капиталы? Так вот пусть отхлебнет по полной! Я стану самой ужасной в мире женой. Самой мерзкой женщиной в его жизни! Он мой враг. Отныне и навсегда.

Если он думал, что я его шанс на еще более сытую жизнь, ладно. Только вот жить он теперь будет как на пороховой бочке. Всегда.

Ренат

Меня воспитывали с мыслью, что отец всегда прав, что нужно уважать старших и чтить традиции.

Сейчас, глядя на свое лицо в зеркале, я впервые жалею о данном отцу слове.

Все это — какой-то сюр, во главе с избалованной мажористой малолеткой. Ей восемнадцать, и она уже наглухо отбитая. Вытираю лицо полотенцем и снимаю рубашку. За шиворот тоже затекло. Класс.

Отец приехал в этот город много лет назад ни с чем. Строил свой бизнес долгие-долгие годы. Я застал те времена, когда мы с ним и матерью мотались по съемным комнатам и питались сплошными быстрыми углеводами, экономя на мясе и овощах.

Помню, как поджимал пальцы в ботинках, потому чтокупить новые было просто не на что. Помню, как мама работала уборщицей в детском саду, куда ходил мой младший брат, а в перерывах успевала забрать меня из школы, привести домой, накормить и помочь с уроками. Отец тогда сутками пропадал на работе, а мама, кроме сада, мыла полы еще на почте и в супермаркете через дорогу от дома. Она добрая, но совсем необразованная женщина. Ей тоже пришлось тяже-

ло. Отец, как только ей исполнилось восемнадцать и она закончила школу, обманом увез ее из республики, потому что влюбился. Тогда ее хотели выдать замуж за какого-то старика.

Они сбежали. Сбежали и отреклись от большей части семьи. Они были здесь совершенно одни. Выживали как могли. Воспитывали нас как могли. Давали все, что могли дать на тот момент.

Когда отец заработал первые большие деньги, нас с братом впервые вывезли на море. Мы были счастливы. Я до сих пор помню то мамино ярко-желтое платье, в котором она гуляла тогда с нами по набережной. Счастливая и впервые за долгие годы отдохнувшая.

Мы вернулись домой с надеждой, что так теперь будет всегда. Глупцы. К отцу почти сразу пришли с предложением «разделить» бизнес. На деле же просто хотели забрать лакомый, свежий кусочек в фарм-нише себе. Вариантов борьбы, когда на тебя давят со всех сторон и начинают запугивать твою семью, не осталось.

Именно тогда и появился Пименов. Он дал свою защиту. Инвестировал в гигантский проект, но по итогу не забрал свои дивиденды.

Но пришел забирать их теперь.

Мы должны ему. Много. Все.

Я могу свалить все на отца. Могу забрать Аньку и уехать в закат. Лишиться денег. Заработать лично свои. У меня хо-

рошее образование. Есть хватка, опыт. Я смогу.

Но что будет с моей семьей?

Ну и самый главный вопрос — что предпримет Пименов?

Отец всегда говорил, что Пименов видел в нем перспективы. Относился, можно сказать, по-отечески.

Так вот — если такой человек, как Давид, умеет любить и помогать ближнему, то как он ненавидит?

Готов ли я ради женщины подставить свою семью под удар?

Ради женщины, с которой мы с каждым днем отдаляемся все сильнее?

Мы вместе чуть больше двух лет. Я почти сразу знал, чем она занималась раньше. Эскорт...

Меня это не смущало. Но год назад все стремительно начало меняться. Отец ввел меня в совет директоров. Я начал работать в компании, часто пересекаться с важными для бизнеса людьми, выходить в свет. Аня боялась меня подставлять, боялась, что кто-то из партнеров может ее узнать, поэтому оставалась дома.

Я много работал. Снял ей квартиру близко к своему офису. Мы виделись часто, но недолго.

С моей семьей она знакомиться не хотела. Боялась осуждения. Всегда боялась, что ее прошлое всплывет. Постоянно жила и живет в этом страхе. Отказывается от помощи специалистов. Ее периодически накрывает. Она часто себя не контролирует, обвиняет, дико ревнует без какого-либо повода,

и весь последний год полностью живет за мой счет. Забросила блог, съемки, а у нее ведь круто получалось. Меня это не напрягает, мне не жалко. Просто вначале наших отношений мы строили грандиозные планы, часами трепались о самореализации. Отчасти на этом и сошлись. Этим и зацепились. Стремлением идти вперед, работать, достигать.

А теперь вот... молчим.

И чем дальше мы движемся, тем больше я устаю от ее вечной, не стихающей тревоги.

Вроде все как и раньше. Но с другой стороны, все словно перевернулось на сто восемьдесят градусов. Я устал стучаться в закрытую дверь. Устал делать вид, что все хорошо. Устал протягивать руку помощи, которую она из раза в раз отталкивает.

Я люблю ее. Правда люблю. Но иногда одной любви, будто бы, становится недостаточно.

Снова смотрю на свое отражение, расстегиваю верхние пуговицы на рубашке и стягиваю ее через голову.

Наверное, мне никогда в жизни не хотелось ничего так сильно, как сейчас покинуть этот дом.

Все зашло слишком далеко. Слишком.

Кидаю рубашку в раковину и надеваю пиджак на голое тело. Он внутри не промок.

Застегиваю две крупные пуговицы и, открыв дверь, сталкиваюсь с Софьей.

— Прости, — хмурится и отпрыгивая от меня на шаг на-

зад. — Я извиниться хотела. Нервы и все такое, понимаешь?

Понимаю, но, естественно, не верю.

— Все нормально, — смотрю на нее в упор и понимаю, что глаза у нас на одном уровне. Это редкость.

Она на каблуках, и тем не менее. Это непривычно. Аня не дотягивает мне до плеча.

— Супер. Тогда, может, пройдемся? — расплывается в улыбке. — Поболтаем. Нам же нужно как-то... знакомиться.

Рассматриваю ее пристально, чувствуя подвох. Он точно есть, но что именно — понять сейчас просто нереально...

**Очаровашки, в рамках нашего литмоба "Тво-
я_по_договору"
приглашаю вас в историю Маши
Деминой**

**"Контракт с мажором"
 [https://litnet.com/
shrt/9SIB](https://litnet.com/shrt/9SIB)**

— Подписывай.
 Он стоит позади меня, как личный палач.
 — Ты ведешь себя как козел. — Стискиваю ручку дрожащими пальцами.
 Стул резко разворачивается и я оказываюсь лицом к лицу с высокомерным подонком.
 — Большого ты не стоишь. Пробовал. Не впечатлен.
 Обида жаром взвивается к горлу.
 — Я ненавижу тебя! — шиплю, сжимая кулаки.
 Он нависает надо мной. Одной рукой впивается в спинку стула, второй упирается в стол. Заключает в ловушку. Давит тяжелым мрачным взглядом.
 — Мне это подходит, — ухмыляется самоуверен-

но. — Подписывай.

 Жесток. Красив. И до неприличия богат. Любая на моем месте визжала бы от счастья стать невестой самого обсуждаемого мажора в этом городе. Дикого. Неуправляемого. Не знающего слова “нет”. Любая, но не я. Мы не выносим друг друга.
 Было ошибкой притворяться его девушкой для богатенькой родни. И тем более портить его дорогущую тачку.
 А теперь я должна стать его фиктивной женой, чтобы Раневский смог предъявить права на наследство многомиллионной корпорации.
 И, если я не соглашусь, мой палач разрушит мою жизнь до основания. Хотя... Он, похоже, уже начал...

Соня

Делаю два маленьких шажочка назад, заглядывая Гимаеву в глаза. Опустить взгляд хоть на сантиметр ниже не решаюсь, просто потому, что он стоит передо мной в пиджаке на голый торс. Выглядит все это ужасно эстетично. Если бы я рассматривала его как мужчину, мне бы, наверное, даже понравилось. Смуглое подтянутое широкоплечее тело...

Так! Это уже слишком, Соня.

Я пришла сюда явно не для того, чтобы его разглядывать. У меня целая миссия — я должна войти к нему в доверие.

Дыши глубже, Ренатик.

Натягиваю на лицо маску «извиняющейся девочки», расплываясь в робкой улыбке.

У него даже мысли не должно возникнуть, что у меня есть мозги. Нет-нет-нет!

Для него — я буду избалованной девчонкой, не больше. Уверена, жить в этой «сказке» ему не понравится. А мне только это и надо. Пока я не могу бороться, но и смиряться тоже не готова.

— Ладно, — соглашается с моим предложением, звуча при этом безразлично. Он точно делает это через силу. Даже не старается быть милым. Но мы оба знаем, что выбора-то у

него все равно нет. Правда, и у меня тоже...

Эта свадьба состоится в любом случае.

— Отлично! — хлопаю в ладоши, вырисовывая на лице отработанную до автоматизма улыбку. — Можем прогуляться у воды. У нас есть озеро. Вечером там зажигают фонарики!

— Идем, — Гимаев кивает и взглядом показывает, чтобы я шла вперед.

Я и иду. Иду, слыша стук своих каблуков, крепко стиснув зубы.

Все это до сих пор не укладывается у меня в голове. Десять минут назад я узнала, что мой дедушка может умереть. Узнала, что этот брак может спасти мою жизнь. Узнала, что мой фиктивный муж никогда от меня не откажется, потому что иначе упустит просто грандиозный шанс заработать.

Это мерзко. Все это так мерзко и грязно, что мне не терпится помыться.

Я всегда была вдали ото всех этих игр. Дедушка старался ограждать меня от такой вот части своего бизнеса, а теперь забросил в самое пекло. Он уверен, что спасает меня, а я... я уже ни в чем не уверена.

Громко вздыхаю и чувствую присутствие Рената за своей спиной так остро, что пальчики на ногах поджимаются. Он идет за мной шаг в шаг. Его взгляд сосредоточен между моих лопаток. Кожа в том месте, куда он смотрит, огнем горит. Еще немного — и я взвою от фантомной боли.

Я для него не человек, а лишь способ увеличить капитал. Удачная инвестиция.

Мы выходим на террасу, и я останавливаюсь у балюстрады, принимая изящную позу. Укладываю локти на холодный камень, чуть прогибаясь в спине и смотрю на чудесный дедушкин сад. Со стороны я должна выглядеть соблазнительно, только вот моему нерадивому жениху, кажется, абсолютно на меня пофиг. Он стоит все с тем же каменным выражением лица и смотрит сквозь меня, сунув руки в карманы брюк.

Понятия не имею, зачем я все это делаю, но в моменте мне словно хочется убедить себя в том, что он человек. С чувствами, эмоциями. Что ему знакомы такие понятия, как честь и совесть.

Глупо, конечно.

— Ты хотела пройтись, — напоминает он отстраненно.

— Точно! — вспыхиваю и быстро перебирая ногами, ступаю на вымощенную садовой плиткой дорожку.

Ренат спускается следом и почти сразу меня нагоняет. Теперь мы идем рядом.

— Ну вот, уже лучше, правда? — глупо посмеиваюсь. — Не люблю, когда атмосфера напряженная. Особенно между... ну, потенциальными родственниками...

Он фыркает. Искренне. О, наконец-то живая реакция!

— Родственниками? Это сильно сказано, — ухмыляется. — Давай проясним все здесь и сейчас, Сонечка. Мы никто

друг другу и никакой штамп в паспорте это не изменит. Это бизнес. Только бизнес.

Ёжусь и обхватываю плечи ладонями. Мне неприятно. И если честно, немного страшно. Он злой. Бесчувственный монстр.

— Ну... мы же можем общаться. Нормально.

— О чем с тобой общаться?

Он снова хмыкает, а я вспыхиваю.

Знаю, минуту назад я хотела, чтобы он считал меня душой. Хотела! Но, боже, понимание, что он думал обо мне так изначально, без каких-либо моих стараний, — это обидно.

— О музыке, театре, — бормочу невпопад. — Я люблю книги, играю на скрипке. Путешествую. Была во многих странах и...

— Не перевариваю скрипку, — пожимает плечами. — Сплошная игра на нервах.

— Ты просто идиот, — закатываю глаза. — У тебя нет вкуса и вообще...

— Что?

Ренат останавливается, преграждая мне путь.

Пробегаюсь взглядом по его лицу, а потом расплываюсь в улыбке.

— Хотя, какой вкус может быть у человека, который влюблен в проститутку?

Гимаев сощуривается, а моя улыбка становится еще шире. Да, я, блин, подготовилась!

И да, в любых других обстоятельствах я бы никогда не сказала ничего подобного. Ни в жизни! Но сейчас, после его оскорблений, пусть подавится моим ответом, козел!

Я продолжаю улыбаться, но губы предательски подрагивают.

Ренат смотрит на меня, как на врага. Раздувает ноздри, злится. Складывается впечатление, что он вот-вот ударит.

Возможно, я это придумываю, но что-то такое опасное, практически животное, сейчас чувствуется в его глазах.

Тишина вокруг подобна вакууму. Она всасывает в себя весь воздух, лишая мой мозг кислорода.

Моргаю, с опаской посматривая то на Гимаева, то на пруд, в отражении которого спокойно мерцают фонарики. Они символизируют умиротворение, которого больше нет. Они символизируют мою счастливую, беззаботную жизнь, которой тоже больше нет.

Ренат не двигается. Он просто молчит. Смотрит на меня в упор и молчит.

Его взгляд острый, как скальпель, который только что извлекли из стерильного раствора. Он впивается в меня, медленно, методично, слой за слоем снимая мою бравладу.

Он смотрит как маньяк, и я чувствую леденящую тело дрожь. Улыбка застывает на губах неестественно-деревянной маской. Мне хочется отступить. Сбежать. Спрятаться. Но я стою не шевелясь. Стою и смотрю ему в глаза.

— Вот вообще не страшно, — хихикаю с надрывом. Получается адски глупо, и я прикусываю губу.

Ренат склоняет голову на бок и становится ближе ко мне на шаг. Этого оказывается достаточно, чтобы в нос ударил запах его кожи, дорогого парфюма и ненависти.

— Шлюху? — спрашивает почти шепотом, который режет слух острее крика. Он наклоняется чуть ближе, так что я вижу мельчайшую сеточку капилляров в его глазах, суженных до щелочек. — Интересно, Сонечка... — произносит мое имя так, будто это ругательство. — И много ты знаешь о шлюхах?

Он говорит со мной, как с маленькой глупой девчонкой. Подавляет всей своей энергетикой.

Я пытаюсь отступить, но каблук предательски соскальзывает с плитки и вязнет в земле под слоем газона. Спина упирается в ствол старой липы. Отступать больше некуда. Мое сердце колотится где-то на уровне горла, мешая дышать.

— Я... я просто..., — слова предательски путаются.

Смотрю на Рената во все глаза и понимаю — он не злится. Нет же! Он... изучает. Как хищник, изучает слабость своей добычи.

— Просто что? — перебивает, не повышая тона. Его рука медленно поднимается, и я невольно вжимаюсь в кору дерева.

В этот миг я уверена, что он со мной что-нибудь сделает, но он просто поправляет лацкан своего пиджака на голом

торсе. Такой небрежный жест, заставляющий сердце уйти в пятки.

— Решила, что раз тебя продали, как вещь, то ты имеешь право копаться в чужом белье? Делать какие-то свои глупые выводы, да, Соня?

Он шепчет. Вкрадчиво. Пугающе.

Я чувствую, как краснею до корней волос. От стыда. От бессильной ярости.

— Она... она... — пытаюсь выдавить что-то в свое оправдание, но голос дрожит.

Я не могу и двух слов связать. В моей жизни никогда-никогда не происходило ничего подобного.

— Кто? — перебивает Ренат, упираясь ладонью в ствол дерева над моей головой. — Девушка, которую ты даже не знаешь, верно? — Он делает микроскопический шагок вперед. — Ты решила, что твоя осведомленность в этом вопросе как-то изменит нашу ситуацию?

Ренат расплывается в неестественной улыбке. Его дыхание касается моего лба. Теплое. Живое. Но оно не обнадеживает, нет, оно вселяет в меня лишь страх.

— Объясню тебе один раз, невеста, — произносит он с ухмылкой. — Ты — обязательное условие сделки. Не больше. И я не советую тебе лезть в мою жизнь. Поняла?

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Глаза почему-то предательски застилают влага. Ярость ушла, остался только леденящий ужас и унижение.

— Твое место — красиво молчать и улыбаться, когда это требуется. Ты будешь играть роль избалованной дурочки, как и планировала. — Его губы искривляются в подобие улыбки, в которой нет ни капли тепла. — А если еще раз ты позволишь себе что-то подобное... — Он делает паузу, давая словам впитаться в мою кожу, подобно яду. — ...сильно пожалеешь. И поверь, дедушкины деньги тебе не помогут. Я позабочусь.

Он отступает на шаг. Воздух снова врывается в легкие, но оказывается обжигающе холодным.

— А вот теперь, — его голос снова становится отрешенным, — идем. Ты, кажется, хотела прогуляться.

Ренат разворачивается и делает несколько шагов по дорожке к озеру, не оглядываясь. Он уверен, что я пойду за ним следом. И я... иду. Ноги ватные, руки дрожат. Я иду за ним, проглатывая унижение и страх, который подступает к горлу. Фонарики, сияющие на воде, больше не кажутся романтическими. Они похожи на холодные, равнодушные глаза, наблюдающие за моим поражением.

Но я проиграла лишь битву, не войну.

Ускоряю шаг, чтобы вырваться вперед, и вот, когда это происходит, замираю у Рената перед глазами. Резко замахиваюсь и бью его по лицу.

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Ты понял?! Запомни раз и навсегда, ты здесь не главный!

Ренат

Касаюсь пальцами своей щеки, и она тут же загорается адским жаром. Воздух вырывается из легких с негромким шумом, но даже он содрогает повисшую между нами тишину.

Соня тычет пальцем мне в грудь. Ее глаза мечут молнии, а уголки губ заострены в пугливой улыбке. Она храбрится, но все это напускное. Я вижу ее истинные эмоции. Их много. Она сама в них тонет, и, как бы комично это ни звучало, утягивает меня за собой.

Аккуратно отвожу ее руку в сторону, поочередно собирая тонкие женские пальцы в кулак.

Сейчас во мне кипит та самая первобытная и разрушительная ярость, которую я изо всех сил стараюсь контролировать.

Соня дергается. Пытается вырвать свою руку из моего захвата, и в этот момент наши глаза встречаются.

Я готов видеть в них сейчас все — страх, слезы, ненависть, но, встретив ее взгляд, вижу не только вызов. Нет. Я вижу в них отражение себя — озверевшего, жестокого, полностью слетевшего с катушек.

Но отзывается не это. Нет. Подкупает ее отчаянная смелость.

Внутри в этот момент что-то надламывается.

Ярость не уходит.

Она по-прежнему бушует и требует выхода. Но усталость я чувствую больше. Чудовищную, всепоглощающую усталость от этой чертовой роли. От игры, в которую я вступил добровольно...

«Не смей разговаривать со мной в таком тоне! Ты понял?! Запомни раз и навсегда, ты здесь не главный!»

Снова прокручиваю в голове ее слова. Улыбаюсь. Не могу не улыбнуться, потому что она права.

Я тупая пешка. Добровольная пешка, сделавшая первый ход.

Высокопарная пешка, думающая, что отдает себя в жертву ради победы.

Именно в этот момент на смену ярости приходит что-то холодное и тяжелое.

Стыд.

Отвратительный, липкий стыд за свои слова, за свой тон, за ту животную жестокость, что выплеснулась наружу. За то, что веду себя так, как никогда не вел. Прикидываюсь тем, кем никогда не был...

Тишина снова сгущается, но теперь она другая, не угрожающая, нет, она тягостная.

Это молчание после катастрофы!

Снова сталкиваюсь взглядом с Соней и, не выдержав, отвожу глаза.

— Соня...

Ее имя срывается с губ хрипло и неожиданно для меня самого. Оно звучит инородно на моих губах, потому что минуты назад я произносил его как ругательство. Сглатываю ком, вставший в горле, пытаюсь хоть как-то собраться с мыслями.

— Извини, — произношу тише, пытаюсь не выдать голосом весь свой внутренний стыд.

Как бы там ни было, показывать этой девочке свою слабость в мои планы не входит. Вряд ли она, как и кто-либо другой, это оценит.

Соня мне ничего не отвечает. Просто смотрит, затаив дыхание, готовая то ли к новой атаке, то ли к бегству. Ее пальцы судорожно сжимают край платья.

Провожу ладонью по лицу, чувствуя шершавость щетины и жар от Сонькиной пощечины. Кажется, этот жар до сих пор жигает кожу до самого нутра.

— Я так не думаю, — выдыхаю в тишину. — На самом деле я о тебе так не думаю.

Соня смотрит на меня изучающим взглядом. Я слышу ее прерывистые, мелкие вдохи. Пауза снова затягивается.

Тут нужно добавить, что я так думаю о себе, но озвучивать этого, конечно не собираюсь.

Бросаю взгляд на водную гладь озера, потом на особняк Пименовых и продолжаю:

— Когда ты позвонила мне, я не хотел говорить с тобой, чтобы не передумать. Я дал отцу слово, что этот брак состо-

ится, и не могу его нарушить. Это клетка для нас обоих, Сонечка.

— Ты меня унизил, — шепчет, переступая с ноги на ногу.

— Унизил, — киваю. Отрицать глупо.

Делаю шаг назад, давая нам обоим чуть больше пространства.

Плечи сами опускаются под тяжестью собственных признаний. Вся спесь, как и ледяной контроль, уже давно испарились.

— Я сорвался сегодня на тебе просто потому, что ты была ближе всех. Если что, это объяснение, — не могу сдержать дурацкую улыбку. — Плохое, но единственное, что у меня есть.

Убираю руки в карманы брюк, все еще ощущая мерзкий холодок, шныряющий между нами.

— Я не прошу тебя забывать все, что я наговорил. Я в общем-то ничего от тебя не жду. Просто... просто хотел объясниться. Твоя пощечина этому поспособствовала, — ухмыляюсь и тру щеку.

Соня поджимает губы.

— Это ты так предлагаешь перемирие? — прищуривается.

Киваю.

— И-и-и... тебе стыдно? — спрашивает, обнимая руками свои плечи.

— Да, — снова киваю. — Перемирие — это необходи-

мость, чтобы не сделать хуже, чем уже есть. Ты была права.

Она смотрит на меня долго, оценивающе. В ее глазах мелькает буря: гнев, недоверие, растерянность и что-то еще... усталость, похожая на мою?

— Ладно.

Соня хмурится на мгновение и повторяет:

— Ладно. Я согласна, — отводит взгляд к озеру. Ее плечи все еще напряжены, но пальцы уже не так судорожно сжимают ткань платья.

Это не мир. Не доверие. Даже не перемирие. Это просто шаг назад от пропасти.

— Хорошо. Тогда я поеду, — киваю в знак прощания и иду в сторону парковки.

— Подожди! — слышу ее оклик, сделав шагов десять. — Стой, Ренат!

Останавливаюсь и поворачиваю голову. Соня, быстро перебирая ногами, подходит ко мне вплотную и расплывается в улыбке, которая с большой долей вероятности не предвещает ничего хорошего.

— В качестве извинений я хочу машину, — выдает таким тоном, будто просит купить ей конфету. — Дедушка мне обещал, но раз ты мой будущий муж...

**Очаровашки, в рамках нашего литмоба "Тво-
я_по_договору"
приглашаю вас в историю Евы
Стоун "Развод. (не)фиктивная любовь"**

<https://litnet.com/shrt/9ttt>

Соня

— Но, если ты не можешь, — добавляю после недолгой паузы. — Я попрошу дедушку, — завожу руки за спину и внимательно отслеживаю реакцию Гимаева.

Я не какая-то мимо проходящая девица. Я невеста. Его будущая жена, поэтому пусть раскошелится. До моральной компенсации это не дотягивает, но как шаг друг другу навстречу вполне.

— Какую именно машину? — уточняет он, склонив голову набок, и я вижу, что его глаза улыбаются.

Вытягиваю губы трубочкой, стреляя взглядом в небо и немного нервно потираю ладони друг о друга.

— Красную?! — улыбаюсь во все тридцать два зуба. Сердце при этом колотится как бешеное: он может отказать, и я буду выглядеть полной дурой. Но если согласится, это будет моей маленькой победой. Красной, быстрой и очень-очень дорогой.

— А поточнее? — Ренат ухмыляется.

— Кабриолет.

— Хорошо, — соглашается он, а когда хочет сказать что-то еще, у него звонит телефон.

Гимаев медленно тянется к внутреннему карману пиджака плавно, почти небрежно.

Я не стремлюсь увидеть, кто ему звонит. Совсем. Но мне удастся прочесть имя звонящего на экране — Аня.

Та самая Аня? Его девушка?

Вздрагиваю, невольно отступая на полшага назад. Моя улыбка тут же застывает на лице гипсовой маской. Я теряюсь и инстинктивно напрягаюсь. Плечи тянутся к полу, а слух обостряется до предела.

Мне жутко интересно узнать, что она ему скажет, но я не слышу.

Ренат проводит пальцем по экрану, принимая вызов, и подносит смартфон к уху. Он не уходит, не отворачивается, даже голос тише не делает.

Максимальная открытость, от которой я напрягаюсь еще больше.

— Что-то срочное? — спрашивает он в трубку, глядя при этом сквозь меня.

Чувствую, как по коже ползет холодок, и обнимаю свои плечи ладонями, все еще не слыша ни звука из динамика его телефона.

Ренат кивает, а потом произносит:

— Заеду.

Всего одно слово. Голос низкий, ровный, абсолютно лишенный каких-либо эмоций. Голос человека, который контролирует ситуацию, даже если это не так.

Зачем она ему звонит? Почему сейчас? При мне?

Это мерзко, даже учитывая, что я не имею на него видов.

Даже если учесть, что он мне совсем не нравится, то как я себя чувствую — третьей лишней, дико раздражает.

Ренат наконец делает микроскопический вдох, и между его бровей появляется складка.

— Я же сказал, что заеду. Да.

Оглядываюсь на дом, чувствуя дикое желание спрятаться у себя в комнате, и когда набираюсь сил сделать первый шаг, Гимаев завершает звонок.

— Красный кабриолет? — спрашивает он так, словно вот этой неловкой ситуации сейчас вообще не было.

А может, неловкой она была лишь для меня?

Хмурюсь, изо всех сил пытаюсь вернуться в русло нашего с ним разговора про машину, но у меня не выходит. Приходится приложить максимум усилий, чтобы снова улыбнуться и выплыть из этого странного черного омуты негативных эмоций.

— Да.

— По марке пожелания будут?

— На твой вкус.

— Хорошо, я тебя понял. В ближайшие дни машина будет у тебя.

— Ладно...

— Тогда, — он смотрит на дорожку за моей спиной, — я поехал?

— Разве я тебя держу? — спрашиваю с вызовом.

— Верно. До встречи, — взмахивает рукой и, обогнув ме-

ня стороной, идет в сторону парковки.

Черт! Нужно было сказать ему, чтоб он не смел говорить с ней при мне! Нужно было, но я стояла и бляяла что-то, как самая настоящая овца.

Вспыхиваю и, костеря себя на чем свет стоит, топаю домой.

Сутки спустя...

В свадебном салоне пахнет дорогой пудрой, новым шелком и подавленными амбициями.

Я стою на подиуме, задрапированная тоннами кристаллов, фатина, и чувствую себя трупом невесты.

— Ты будешь самой красивой, — фальшивит Камилла, разглядывая меня со всех сторон. Она сама изъявила желание поехать со мной и Людой в салон на примерку.

Если бы я знала, что эта женщина решит сделать из меня бабу на самоваре, ни за что бы не согласилась на ее присутствие.

Смотрю на себя в ростовое зеркало и понимаю, что это полный отстой. Все эти юбки, чрезмерная пышность, длинный рукав, горло... Это не платье, а почти чадра какая-то. И плевать, что все это фикция. Но платье, платье-то у меня должно быть шикарное! Такое, в котором я буду себе нравиться. Такое, в котором буду чувствовать себя королевой!

Поэтому единственное, чего мне сейчас хочется, — это

содрать с себя это пышное, несуразное облако и бросить в ноги будущей свекрови.

— Самой убогой невестой, вы хотели сказать, — бормочу себе под нос, сжимая в кулак фату. — Слишком много ткани, — говорю уже громче, стараясь, чтобы голос звучал капризно, а не зло. — Я хочу посмотреть другое платье, — заявляю, спрыгивая с подиума. Тюль цепляется за каблук. — То, что мне показывали сначала. Облегающее. Со шлейфом из гипюра.

— Сонечка, дорогая, — Камилла поднимается, подходит ко мне и берет мою руку в свою холодную ладонь. — Поверь моему вкусу и опыту. Ты же понимаешь, что на этой свадьбе нет места вульгарности? Это платье – идеально. Оно подчеркнет статус и скроет все твои изъяны.

**Очаровашки, в рамках нашего литмоба "Твоя_по_договору"
приглашаю вас в историю Анны Арно**

(не) фиктивная жена офицера

<https://litnet.com/shrt/9Qhv>

Вспыхиваю.

Изъяны? У меня?

Кажется, с желанием ей не понравиться я сильно перестаралась. Теперь она открыто меня ненавидит!

— Вот это, — пропускаю весь Камиллин яд мимо ушей и тянусь к рейлингу. Снимаю плечики с платьем силуэта «рыбка».

Мать Рената в эту же минуту хватается за сердце.

— Примерю, — игнорирую ее показной жест и ухожу переодеваться.

Лиза — наш консультант, помогает мне сменить это несуразное пышное облако на узкий силуэт, подчеркивающий мою талию и бедра. А еще он в выгоднейшем свете показывает плечи. Теперь они не кажутся такими массивными, как в предыдущих рукавах-фонариках.

— Вам идет, — тихонечко комментирует Лиза.

— Я тоже так думаю, — улыбаюсь своему отражению и снова выхожу на подиум.

С появлением в салоне Камиллы моя Людочка замолчала. Она придерживается правил и никогда не перечит хозяевам, несмотря на то что для меня уже сто лет назад стала самой настоящей семьей. И тем не менее при Камилле Люда ведет

себя тише воды, ниже травы.

Сегодня день пословиц и поговорок, что ли?

Хмыкаю и кружусь вокруг своей оси.

— И-де-а-ль-но! — кричу во весь голос, замечая, как с каждой секундой лицо Камиллы становится всё кислее и кислее.

— Нет, Соня. Нет, — качает головой мама Рената. — Это нам совсем не подходит. Ты выглядишь легкодоступной, — заключает она, сканируя меня придиричивым взглядом.

Он останавливается на моих бедрах, груди, талии — короче, на всем том, что делает меня женщиной, а не ходячим самоваром на ножках, как было в предыдущем варианте.

— А по-моему, очень красиво, — все-таки подает голос Люда.

— А как по мне, ни у вас, ни у вашей подопечной просто нет вкуса, — раздражается Камилла, а потом кому-то звонит.

Пока она избавляет нас от своего присутствия, я прошу Лизу помочь мне раздеться и запаковать платье, радуясь своей победе. Правда, радость моя длится недолго. Не успевает Лиза начать складывать платье в коробку, как мне звонит дед и просит послушаться мою будущую свекровь.

— С какой это стати? — захлебываюсь возмущением и сталкиваюсь взглядом с вернувшейся Камиллой.

— Потому что ты должна быть умнее. Какая тебе разница, в чем выходить замуж?

— Огромная! — стою на своем.

— Соня, я тебя умоляю...

— Я так решила! — выговариваю предельно четко и ве-
шаю трубку.

Только вот когда триумфально подношу карту к пин-паду, и Лиза говорит, что на ней недостаточно средств, ежусь под насмехающимся взглядом будущей свекрови.

— Мы возьмем предыдущее, Лиза, — медовым голосом командует Камилла.

Консультант смотрит на меня с сожалением и начинает делать свою работу.

Вспыхиваю от злости и со всех ног бегу на улицу, стараясь не расплакаться у всех на глазах.

Змея! Чертова кобра! Ненавижу ее!

Сжимаю руки в кулаки и обессиленно падаю в салон автомобиля. Охрана, кстати, как только я вылетела из салона, насторожилась и почти заключила меня в кольцо. Испугались, что сбегу?

А стоило бы...

Складываю руки на груди всем совим видом транслируя немое недовольство. Пакет, в котором лежит коробка с платьем, укладывают в багажник моей машины, и Камилла победоносно удаляется восвояси.

— Софья Игоревна, не расстраивайтесь, — пытается подбодрить меня мой водитель Миша.

— Я в прекрасном расположении духа, — фыркаю, а потом обессиленно падаю лицом в ладони. — Я ее ненавижу,

Миша. Они хотят, чтобы я была чучелом на собственной свадьбе!

— Не думаю, что все так плохо. Может быть, вы сможете договориться?

Нервно поддергиваю носком туфли и расплываюсь в улыбке.

— Миша, давай-ка изменим маршрут.

— И куда теперь едем?

— В офис Гимаева. Если я два часа терпела заскоки его матери, он просто обязан теперь вытерпеть мои, — подмигиваю Мише в зеркало, и он со смешком перестраивается в правый ряд, чтобы свернуть.

Оказавшись у здания офиса Гимаевых, я быстро осматриваю территорию и топаю в ресторан через дорогу. Жалобно прошу у них помещение, чтобы переодеться, а в качестве вознаграждения снимаю с себя браслет. Карту дед заблокировал, поэтому приходится выкручиваться.

Администратор заводит меня в служебное помещение, откуда спустя пятнадцать минут я выхожу наряженной в это уродское, выбранное Камиллой платье.

Еще через десять минут я прохожу офисную охрану и устремляюсь к лифту. Поднимаюсь на нужный этаж и уверенной походкой иду в зал переговоров, где у Рената, по словам его же секретарши, сейчас проходит совещание.

Вдох-выдох, Соня!

— Он просил его не беспокоить, — семенит за мной сле-

дом секретарь Рената, но я танком про вперед.

— Меня это не касается, — улыбаюсь еще шире и, на минутку замерев у двери, привожу пульс в норму.

Стараюсь дышать глубже и осознаннее.

С Богом!

Толкаю дверь и, переступив порог, сразу натыкаюсь на десятки глаз.

— Ты считаешь, что вот в этом уродстве можно выходить замуж? — верещу так, что у самой уши закладывает.

Гимаев, что-то предельно внимательно и важно слушая, переводит взгляд на меня, а его докладчик замолкает и, густо покраснев, оттягивает галстук.

— Здравствуй, Соня, — максимально миролюбиво и, что более бесяче, спокойно произносит Ренат. — Мне нужно буквально десять минут, чтобы закончить совещание, и мы обязательно решим твою проблему.

— Мою? Это наша проблема! Наша! Я похожа на самовар, ты только посмотри, — кружусь вокруг своей оси, немного поднимая подол.

**Очаровашки, в рамках нашего литмоба "Тво-
я_по_договору"
приглашаю вас в историю Марты
Вебер и Марии Владыкиной**

ЖЕНИМСЯ! ЭТО ПРИКАЗ

<https://litnet.com/shrt/PCh6>

— Почему твоя мать решает, как мне выглядеть на собственной свадьбе? — всхлипываю и вижу, как челюсть Рената напрягается.

Я уверена, что он ненавидит публичные сцены и потерю контроля.

Я же своим появлением нарушаю все законы его существования. Ну прости, милый!

— Соня, выйди, пожалуйста, — просит сквозь зубы, указывая взглядом на дверь. — Я закончу через двадцать минут, и мы все обсудим в моем кабинете.

Вздрагиваю от его резкого тона, а платье внезапно начинает казаться мне не просто нелепым, а каким-то чужеродным и даже враждебным.

Лицо пылает, но теперь не от ярости, а от стыда и осознания, что, возможно, я перегнула палку и заявляться к нему прямо на его совещание все же не стоило...

Эти мысли кружат в голове буквально секунды. Нет уж, если страдаю я, пусть страдает и он!

— Не выйду! Ты просто посмотри на этот кошмар! — снова кружусь. На этот раз резче, от чего мой подол взмывается, на секунду обнажая лодыжки и нелепые туфли, которые Камилла сочла «подходящими». — Красиво? Достойно твоей

будущей жены?

Ренат отодвигает от себя планшет и медленно поднимается из-за стола, скользнув взглядом по моей застывшей у дверей фигуре, вздыхает. В его глазах мелькает искорка досады, но там нет и тени раздражения. Это радует. Может быть, нам удастся вступить в конструктивный диалог...

Но если не выйдет, такой исход меня тоже не пугает. В конечном счете, Гимаеву же будет хуже!

Ренат задвигает свое кресло под стол, поправляет лацканы идеально сидящего на нем пиджака (чертов пижон!), и, обойдя круглый стол, останавливается напротив меня. Снова проходится по мне взглядом, но уже более придирчивым и явно оценивающим.

Все, кто сидит в этот момент на совещании, замирают. Кто-то с интересом пялится на происходящее, кто-то, наоборот, отводит глаза, иные нервно перекладывают бумаги. Докладчик, все еще красный, будто вот-вот лопнет, нервно садится на край своего кресла.

Звонящая тишина давит на нервы. Молчат все, в том числе и Ренат.

Переступаю с ноги на ногу и повторяю уже тише:

— Это наша проблема. Почему твоя мать выбирает, в чем я должна выходить замуж?!

Голос немного дрожит. Почему-то только сейчас мне в голову приходит мысль о том, что он может во всем слушаться свою мать. Вдруг он и вправду «мамина корзиночка»?

— Идем, — он берет меня за руку и выводит за дверь.
Его ладонь большая и теплая.

Как только мы оказываемся в коридоре, я сразу же отскакиваю от Гимаева на метр и складываю руки на груди.

— Она хочет выставить меня посмешищем! — продолжаю гнуть свою линию.

Ренат давит себе пальцами на виски, так, будто у него разболелась голова.

— Пару секунд, — говорит, комментируя свои действия.
— Перестроюсь.

— Окей, — киваю, теребя пышный подол.

— Ты выбрала не самое удачное время и место для разборок.

Ренат смотрит мне в глаза, а в его голосе звучат стальные нотки.

— То есть я еще и виновата?

— Мне без разницы, какое на тебе будет платье, — он переходит на злой шепот. — Купи любое и не морочь мне голову этой ерундой.

— Это не ерунда!

— Ну да, — закатывает глаза.

— Твоя мама...

— Пожалуйста, я тебя умоляю, не трогай мою мать. У нее свои взгляды, в которых вы не сходитесь. Просто купи другое платье, которое тебе понравится, и все.

— Я не могу! — взвизгиваю, взмахивая руками.

Гимаев приподнимает бровь, мол, это что, прикол? В чем проблема купить платье?

— Дед заблокировал мою карту...

Ренат тянется во внутренний карман пиджака.

— Вот, — протягивает мне карту. — Все? Ты довольна? Больше компрометирующих меня ситуаций с твоей стороны сегодня не будет?

— Я? Тебя? Компрометирую? — задыхаюсь я от возмущения, сдавливая пальцами пластик с гимаевскими миллионами. — А Камилла, которая покупает мне платье, говорит о каких-то моих изъянах, а потом обвиняет в отсутствии вкуса, — меня не компрометирует?! Она специально это делает, а ты... ты!

— Что? — он смотрит на меня с вызовом.

— Вы все надо мной издеваетесь. Ты, дед, твоя мать! Я жертва!

— Ты?

Гимаев ухмыляется. На его губах появляется гадкая улыбка, глядя на которую мне хочется ему треснуть.

— Если ты сейчас жертва, страшно представить ту ситуацию, где ты агрессор, — хмыкает и делает широкий шаг. Сокращает расстояние между нами до минимума, а потом резко и безжалостно дергает меня за рукава платья с обеих сторон.

Воздушные фонарики трещат по швам, оголяя мои плечи. От неожиданности я вздрагиваю и издаю громкое «ой».

— Все? — спрашивает, глядя на меня в упор. — Ты довольна? Можешь покупать новое.

— Спасибо, — бормочу, поправляя разорванный рукав. Вот это было неожиданно! Очень...

— Я могу идти обратно на совещание?

Он у меня спрашивает?

Киваю.

Ренат разворачивается ко мне спиной, открывает дверь и произносит:

— Прошу прощения за перерыв, господа. Продолжим. Максим Викторович, вы остановились на пункте три...

Дверь тут же закрывается, отсекая меня от мира деловых решений и холодного расчета буквально за секунду. Я остаюсь одна в пустом коридоре.

Втягиваю воздух губами и, прислонившись к прохладной стене, чувствую себя абсолютно счастливой. Меня переполняет адреналин. Это было круто!

Улыбаюсь, трогая разорванные рукава, и, не успев покинуть офис, принимаю звонок из дома. Люда сообщает, что мне доставили кабриолет. Красный.

Нервно посмеиваюсь, а потом... потом застываю прямо у лифта.

Нужно же сказать Гимаеву спасибо, но как и когда?

Может, подождать его в кабинете? Вот он удивится, что я еще здесь!

— Ты еще здесь? — спрашивает Ренат, прикрывая за собой дверь в свой кабинет.

Его голос звучит вроде бы не раздраженно, но делать вывод, что он мне рад, опрометчиво. Это не так. Уверена, Ги-маев просто мечтает от меня избавиться, хотя бы на сегодня.

— Да, — киваю, болтая в воздухе ногой, обутой в безвкусную туфлю. — Хотела еще раз сказать спасибо за машину. Ее уже доставили, — расплываюсь в широкой, а главное, искренней улыбке.

Наверное, при нем я сейчас впервые так улыбаюсь, без фальши.

— Ну и за радикальное решение проблемы, — посмеиваюсь, указывая рукой на разорванный «фонарик».

— Всегда пожалуйста, — кивает, расстегивая пиджак и неторопливо направляется к своему столу.

— Это было... круто, — пожимаю плечами, замечая, как бровь Рената ползет вверх.

Он останавливается, загоразживая собой луч света, попадающий на меня через окно, и убирает руки в карманы брюк с идеально отглаженными стрелками.

Интересно, кто ему их гладит? Неужели та девушка? Анна?

Почему-то при мысли о ней уровень адреналина в кро-

ви повышается. Вздрагиваю и, немного запрокинув голову, смотрю на Рената, стараясь не моргать чаще обычного.

— Это все? У меня еще много работы, Соня.

Он говорит спокойно, без всякого осуждения, но я все равно улавливаю в его словах подтекст о том, что только я здесь бездельница.

— Вообще-то я тебя сейчас похвалила. Так и сказала: «Ренат, ты гениально решаешь проблемы!» — всплескиваю руками.

— Спасибо за похвалу, но работы от нее у меня меньше не станет. Все?

Гимаев ухмыляется, а я... я снова хочу его стукнуть. Ну вот что за человек?!

— Нет, не все, — поднимаюсь на ноги и, спрятав руки за спину, начинаю ходить вокруг стола.

Желание поехать домой пропадает напрочь. Теперь я хочу встряхнуть из Гимаева душу. Я значит ему здесь улыбаюсь, пытаюсь быть милой, можно сказать, даже практически считаю его хорошим человеком, а он снова воротит нос?

Так не пойдет. Со мной так нельзя!

— Ты знаешь, я не уверена, что после такого стресса смогу выбрать платье, — вздыхаю. — Мне кажется, что одна я просто не справлюсь, Ренат.

— И? — он раздражается. — Мне с тобой поехать мерять платья? — закатывает глаза и отодвигает от стола свое кресло. Он шутит. Даже ерничает, но мне это только на руку.

Он сам сказал, а как известно, практически любые слова можно обернуть против человека, их произнесшего.

— Как хорошо, что ты предложил! — хлопаю в ладоши, оборачиваясь вокруг своей оси.

Я словно в раскадровке вижу, как меняются эмоции на его лице. Как раздражение сменяется удивлением, а потом превращается в досаду.

— Это не смешно, — сводит брови к переносице, но угрюмым в этот момент не выглядит. Скорее забавным.

— А при чем тут смех? — делаю вид, что искренне его не понимаю. — Блин, это правда классно, что ты можешь поехать со мной. Эта свадьба сведет меня с ума, — прикладывая ладонь ко лбу. — Голова скоро лопнет, — вздыхаю. — Кстати, можем заехать домой, взять кабриолет и...

— Я на работе, — перебивает меня Ренат.

В этот раз он звучит грозно, я даже улыбаться перестаю.

— Но ты же уже провел совещание, — бормочу, переступая с ноги на ногу.

Удивительно, но в какой-то момент идея поехать с ним выбирать платье, а по дороге еще и кабриолет опробовать, стала для меня самой что ни на есть заманчивой.

— Одну, — кривлю губы, рассматривая подол платья, — в таком виде меня в приличный салон не пустят, — качаю головой.

Ренат замирает. Его взгляд скользит по моему лицу, медленно опускается к обнаженным плечам, где висят лоскутья

от фонариков, а потом снова поднимается к глазам.

— Ты издеваешься, — констатирует он, откидываясь за-
тылком на высокий подголовник кресла.

— Нет! — кручу головой, отрицая очевидное.

— Я так и понял, — вздыхает и барабанит пальцами по
ручке кожаного кресла.

— Да боже! Если ты уедешь на пару часов, мир что ли
рухнет? Или акции компании упадут? Что? Ты сам сказал,
что у нас перемирие!

— И ты решила им по полной воспользоваться?

— Я... нет! Я просто хочу... эмм...

Прищуриваюсь, напрягая мозги, но быстро сообразить,
что именно ответить, не выходит. Ренат это видит и расплы-
вается в не самой доброй улыбке.

— Именно об этом я и говорю, Сонечка.

Это его «Сонечка» всегда звучит так, словно он с нера-
зумным ребенком говорит. Дико бесит!

— Ты невыносима, — он вздыхает, встает с кресла и на-
правляется ко мне. — Но посмотреть кабриолет я не против,
— снимает пиджак и бросает его на диван позади меня.

Ренат стоит близко. Я вижу его лицо, чувствую запах туа-
летной воды, кожи и понимаю, что у меня перехватывает ды-
хание.

— А платье? — шепчу, потому что хочется откашляться.

— Решим в процессе, — он делает паузу и снова скользит
взглядом по моим оголенным плечам под разорванной тка-

нюю платья. — Иногда я делаю стратегические инвестиции в хаос. И в... непредсказуемость, — смотрит на свое запястье, украшенное часами. — Два часа и ни минутой больше. Если задержишься хоть на секунду, я уезжаю. И платье выбираешь сама. По рукам?

— Хорошо, — расплываюсь в улыбке, чувствуя, как по телу стрелами растекается тепло.

Правда, эффект этот длится недолго.

Ровно до момента, пока в кабинете Рената не открывается дверь...

Улыбка с моего лица сползает в эту же секунду.

Ренат

Реагирую на звук открывшейся двери поворотом головы.

Какого черта?

Почему Вера не предупредила меня? Почему не остановила ее?

Бросаю быстрый взгляд на Соню, видя, как расширились ее зрачки и напряглись губы. Она выглядит растерянной и расстроенной.

Аня, конечно, выглядит не лучше. Вряд ли она ожидала увидеть девицу в свадебном платье прямо у меня в кабинете. В стремном, бесспорно, но все же свадебном.

Тишина повисает тяжелым, звенящим грузом, и я разрываю ее первым.

Голос звучит ровнее, чем чувствую внутри.

— У тебя что-то срочное? — спрашиваю у Ани без приветствия, надеясь, что это ее хоть немного отрезвит.

Мы договаривались, что ко мне в офис она не приезжает с самого первого дня наших отношений. Это, если что, была ее идея... а теперь вот стоит во всей красе.

— Привет, Ренат, — Анин голос звучит, как натянутая струна. Еще буквально секунды — и она сорвется, и вот то-

гда мы все, нафиг, полетим в бездну.

Она замерла прямо на пороге, вцепившись в ручку дорожной сумки. Даже дверь за собой не прикрыла. Решила оставить шанс всем мимо проходящим узнать, что здесь происходит?

— Мы договаривались встретиться сегодня, но ты не отвечал на звонки, — откидывает волосы за плечи легким движением руки.

Глаза при этом остаются ледяными озерами, скользящими от меня к Соне. На ней в итоге и задерживаются.

— Я не ожидала, что ты будешь не один, — качает головой, покрываясь нездоровым румянцем, явно не от смущения. Это гнев в его самой высокой ипостаси. — Ты покупаешь какой-то бренд свадебных платьев? Это часть переговоров? — не удерживается от сарказма.

Чувствую, как Соня, стоящая со мной рядом, невольно съеживается. Ее дыхание становится поверхностным и частым.

Эта сцена — последнее, что мне нужно сейчас.

— Я занят, — давлю голосом и делаю шаг, тот самый, который неосознанно заслоняет Соню от прямого Анина взгляда.

— Занят?

Круглова делает шаг в кабинет, и дверь захлопывается за ее спиной с глухим стуком.

Она игнорирует Соню, сфокусировавшись на мне.

— Это твоя новая помощница? Поэтому в приемной пусто? — кривит губы. — Не знала, что ты уволил Веру.

— Прекрати этот цирк, — предупреждаю, слыша, как в голосе проскальзывает сталь.

Устраивать скандал — это последнее, чего я сейчас хочу.

Прищуриваюсь, продолжая давить на Аню взглядом. Вижу, как она вздрагивает, но не отступает. Ее губы расплываются в едкой улыбке, а глаза пробегают по Соне с пренебрежением.

— Цирк? Когда в твоём кабинете стоит девушка в разорванном свадебном платье – вот это цирк. Но никак не мой приход сюда. Если ты помнишь, я твоя девушка. А она кто?

Анна медленно поворачивается к ней, словно впервые замечая. Оценивающий, презрительный взгляд скользит с головы до ног.

Соня резко вскидывает голову. Я вижу уже знакомую вспышку гнева в ее глазах.

— Кто я? Будущая жена. А вот кто ты?

— А я та, кого он любил. Любил и будет любить всегда, — цедит ядовитым тоном. — Жена..., — закатывает глаза.

Внешне она выглядит холодной и спокойной, но я вижу, как Аня сжимает челюсть и как отчаянно борется с гневом.

— Уйди, — прошу по-хорошему. — Сейчас не время, — качаю головой.

— Как мило, Ренат. Ладно, я уйду. Надеюсь, что твоя инвестиция окупится, — смотрит на Соню, — хотя, судя по ее

виду, ты уже несешь убытки, — низко смеется, пытаясь вывести меня из себя. Пробить на эмоции. Ничего нового.

Это наша стандартная схема: разругаться в хлам, а потом трахаться и мириться.

Не сегодня.

— Если не уйдешь сама, я вызову охрану, — говорю, не скрывая раздражения.

Естественно, выводить ее отсюда сам я не буду. Она именно этого и добивается сейчас.

Аня сглатывает. Она не привыкла к такому тону от меня. Ее взгляд мечется между мной и Соней, полный непонимания и обиды.

— Прекрасно, — выпрямляется, бросая на Соню последний убийственный взгляд. — Я поняла, игра на публику. Хорошо, милый. Буду ждать тебя дома. Без одежды, — томно шепчет последние слова и выходит за дверь.

Гулкая тишина снова заполняет кабинет.

Поворачиваюсь к Соне. Она стоит, опустив голову, пальцы судорожно сжимают лоскуты платья на бедрах. Плечи слегка подрагивают.

— Сонь... — начинаю.

— Я никогда в жизни больше не хочу ее видеть, — шипит сквозь зубы.

— Ты не должна была ее видеть.

— Форс-мажор, — устало выдыхаю. — Прости за этот казус.

Соня резко поднимает голову. Глаза блестят – от злости или от сдерживаемых слез, не ясно.

— Два часа, — проговаривает громко и четко. — Ты обещал. Мы едем?

Смотрит на меня с вызовом и отчаянной решимостью.
После случившегося она все еще хочет ехать? Неожиданно, но понятно. Соня не сдается и не терпит, когда последнее слово остается за кем-то другим.

— Едем, — киваю и смотрю на дверь.

Соня поднимает подол с пола, проходит вперед, но у самой двери замирает.

— Дай мне свой пиджак. Хочу переодеться. Это платье меня раздражает.

— На диване..., — оглядываюсь.

— Отлично. Выйди на пару минут.

Киваю и делаю, как она просит.

Пока Соня переодевается, читаю несколько сначала гневных, а потом извиняющихся сообщений от Ани.

Я поступил тупо, когда в угоду своим желаниям предложил ей отношения. Нужно было рвать все и сразу. Ставить точку. В конце концов, я выбрал бизнес. В конце концов, наши отношения себя уже изжили. Мы существуем вместе по инерции и страдаем. Оба.

— Я все!

Отрываю взгляд от смартфона. Он прилипает к Сонькиным ногам.

Она стоит в моем пиджаке, подпоясанном на талии галстуком, и белых свадебных туфлях, усыпанных блестками.

— В платье мне нравилось больше, — комментирую, не подумав.

Почему-то мысль о том, что она будет рассекать по улице в одном моем пиджаке, который едва прикрывает ей зад, мне не нравится.

Соня смеется и идет к лифту.

Ее желание переодеться кажется мне намеренным. У него есть какая-то цель.

И я понимаю ее, как только мы оказываемся на улице.
Аня все еще сидит в машине у здания офиса. Она видит наш выход.

Соня

Я чувствую каждое движение ткани, каждое прикосновение подкладки пиджака Рената сквозь тонкий шелк трусиков, но отступать поздно.

Дверь лифта искажает мой силуэт, делая ноги короче, а плечи шире. Огромный черный пиджак, перехваченный галстуком – моя единственная защита сейчас.

Стискиваю зубы, чувствуя, как внутри все до сих пор сжимается. Унижение по-прежнему жжет щеки. А ярость, она почти оглушает. Я видела в глазах этой женщины презрение, и она им упивалась, стерва!

Я ненавижу ее.

Ненавижу Рената, который допустил весь этот кошмар и саму себя – за то, что дала слабину в кабинете. Потеряла лицо!

Будущая жена...

Слова вырвались сами, на волне адреналина и желания ударить эту Аню сильнее.

В моменте они казались мне идеальным оружием, но сейчас я понимаю, что опустилась на ее уровень невежества. Это

же дикое мешанство вести себя вот так...

Лифт плавно спускается, а у меня подкашиваются ноги. Я упираюсь в зеркальную стену ладонью. Холодное стекло немного отрезвляет.

В кабинке слишком мало места.

Тут слишком душно.

Слишком тихо.

Ренат стоит ко мне слишком близко.

Пульс зашкаливает. По голым ногам ползут колючие мурашки. Я вспыхиваю куда более ярким пламенем, выжигая себя изнутри.

Двери разъезжаются с мягким шипением. Холодный воздух вестибюля бьет по щиколоткам. Я делаю шаг, чувствуя, как блестящие каблуки громко цокают по мрамору. Вытягиваю шею, поднимаю голову и расправляю плечи.

Пусть все видят меня в его пиджаке на голое тело!

Но самое главное, пусть это увидит она! Я уверена, что Аня еще здесь. Либо в офисе, либо на улице. Она не могла так быстро уехать. Она сейчас злится, сидит где-то поблизости и жалеет себя.

И бинго!

Я чувствую ее взгляд раньше, чем нахожу глазами знакомый с сегодняшнего дня силуэт. Поворачиваю голову и расплываюсь в улыбке. Ее машина — темный премиум седан стоит на парковке, а за стеклом водительского окна — бледное пятно ее лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.